

Николай Дубровин

ПЕРВАЯ ОБОРОНА
СЕВАСТОПОЛЯ
1854 - 1855

«РУССКАЯ ТРОЯ»

Николай Федорович Дубровин
Первая оборона Севастополя
1854–1855 гг. «Русская Троя»
Серия «Военная летопись
России (Эксмо)»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8481584

Николай Дубровин. Первая оборона Севастополя 1854–1855 гг.

«Русская Троя»: Яуза, Эксмо; Москва; 2014

ISBN 978-5-699-75738-1

Аннотация

160 лет назад началась Первая оборона Севастополя. Европейские захватчики рассчитывали взять его за неделю, однако осада затянулась почти на год, так что город не зря величали «Чудотворной крепостью» и «Русской Троей», а на вопрос главнокомандующего: много ли вас на бастионе, братцы? – солдаты и матросы отвечали: «Дня на три хватит!» И таких дней в Севастопольской Страде было 349... Почему Россия осталась одна против европейской коалиции и как нас предали союзники, совсем недавно спасенные нами? Чем грозит военнотехническое отставание от Европы и правда ли, что наши потери в обороне оказались выше, чем у атакующего противника? Был ли

шанс отстоять Севастополь и не поторопилось ли командование покинуть город? Следует ли считать Крымскую войну нашим поражением? И какие уроки должно вынести из Севастопольской Страды нынешнее руководство России?

Содержание

Битва за Ясли Господни	5
От автора	28
Глава I	31
Глава II	60
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Николай Дубровин

Первая оборона Севастополя 1854– 1855 гг. «Русская Троя»

Битва за Ясли Господни

Европа в отношении к России всегда была столь же невежественна, как и неблагодарна.

А. С. Пушкин (1834)

Россия ли проиграла Восточную (Крымскую) войну 1853–1856 годов?

Вопрос, сформулированный в подзаголовке данной статьи, все чаще задают себе сегодня все, кто исследует или осмысливает события войны, вступившей в эпоху своего 160-летнего юбилея.

Все больше людей убеждаются в том, что нет ничего более далекого от истины, чем привычное утверждение о якобы имевшем место поражении. Нет необходимости широко документировать абсолютное господство до последних лет в исторической литературе именно «пораженческой» точки зрения. Мы найдем ее в любой монографии или статье, в

учебнике или учебном пособии, в публицистическом очерке или научных комментариях. До недавнего времени почти невозможной задачей было как раз обратное – отыскать иную оценку результатов Крымской войны. Такие мнения можно было высказывать только между строк.

Ограничимся одним примером. Академик Е. В. Тарле, фактически исповедовавший другую систему взглядов, внешним образом именно в русле «пораженческой» концепции вынужден был начинать разговор о Крымской войне в своей классической монографии: «Царизм начал и он же проиграл эту войну, обнаружив ... несостоятельность ... господства дворянско-феодального крепостнического строя».

Невооруженным взглядом видно, что это утверждение является всего лишь обязательной калькой известных слов В. И. Ленина о Крымской войне. Весь последующий текст двухтомной монографии «Крымская война», опубликованной в годы Великой Отечественной войны с одобрения И. В. Сталина, фактически опровергает «пораженческий» тезис.

Другой характерной чертой советской историографии Крымской войны являлось абсолютное игнорирование православной составляющей этого глобального противостояния. Инспирированный Францией двухлетний спор с Россией о «святых местах» закончился тем, что накануне 1853 года ключи от Вифлеемского храма (церковь Яслей Господних) были демонстративно, с большим шумом отняты у православной общины, которой они традиционно принадлежали,

и под давлением Парижа переданы турецкими властями Палестины католикам. Этот акт был совершен в стране, в которой православие исповедовало большинство подданных – десять миллионов человек. Нетрудно представить себе реакцию на эти события не только внутри Османской империи, но и за ее пределами, в первую очередь в православных странах. Было грубо и публично нарушено закрепленное договорами право России на покровительство православия в Турции.

Унижение православных святынь – постоянная черта поведения агрессоров в этой войне. Не случайно она получит также другое название – «битва за Ясли Господни». В этом ряду бомбардировка английскими фрегатами 18–19 июля¹ 1854 года Соловецкого монастыря. В этом ряду – избрание главной мишенью для нападения именно Крыма и Севастополя, который являлся не только военной базой России на Черном море, но и колыбелью русского православия. Показательно, что французы «возьмут в плен» херсонесский колокол, который почти 60 лет будет висеть в соборе Парижской Богоматери и возвратится на свое место только после неоднократных настоятельных требований русского правительства.

Не только сегодня, но даже в XIX веке многим представителям образованной России, испытавшим «просвещенное» влияние атеистической Европы, вопрос о ключах ка-

¹ Все даты приводятся по новому стилю.

зался лишенным всякой важности и значения. Раскол между «ретроградным» правительством и «образованным» обществом, жертвой которого оказывался русский народ, углублялся все больше и больше. Вопросы веры многим казались архаическим пережитком, препятствующим столь желанному прогрессу. Об этой опасности в книге «Россия и Европа» пророчески предупреждал современников Н. Я. Данилевский: «Этот спор о ключе, который многие даже у нас представляют себе чем-то ничтожным, недостойным людей, имеющих счастье жить в просвещенный девятнадцатый век, имел для России, даже с исключительно политической точки зрения, гораздо более важности, чем какой-нибудь вопрос о границах, спор о более или менее обширной области...».

Современники предупреждению мыслителя не вняли. «Счастье» жить в просвещенный XIX век оказалось для «образованного» русского общества важнее вопросов веры, за что мы и заплатили страшными испытаниями века XX. Может быть, на пороге XXI столетия мы заново постараемся определить, в чем же все-таки наше истинное счастье: в приобщении к общечеловеческим ценностям, которые каким-то странным образом все время поворачиваются к нам своим звериным, а не гуманным обликом, или в сохранении верности традициям наших непросвещенных предков и их такой несовременной тысячелетней вере?

Истинные идеологи Восточной войны отчетливо осознавали подлинное значение событий, их сакральный смысл.

Архиепископ Парижский прелат Сибур подчеркивал: «Война, в которую вступила Франция с Россией, не есть война политическая, но война священная. Это не война государства с государством, народа с народом, но единственно война религиозная. Все другие основания, выставляемые кабинетами, в сущности, не более как предлоги, а истинная причина, угодная Богу, есть необходимость отогнать ересь... укротить, сокрушить ее. Такова признанная цель этого нового крестового похода и такова же была скрытая цель и всех прежних крестовых походов, хотя участвовавшие в них и не признавались в этом».

Предки наши на агрессию врага, помимо воинского сопротивления, ответили сплочением вокруг православной веры. «Битва за Ясли Господни» породила целый мир православных героев, легенд и преданий. 150 священнослужителей были награждены за отличия в Крымской войне. Героическое воинское священство получило достойное художественное отражение на эпическом полотне легендарной севастопольской Панорамы. Первое имя в этом ряду – архиепископ Херсонский и Таврический Иннокентий (Борисов), спустя полтора столетия причисленный к лику святых. Крымский «Златоуст», неутомимый вдохновитель защитников города, именно он 27 июля 1854 года освятил закладку храма Святого князя Владимира, ставшего усыпальницей выдающихся русских адмиралов – М. П. Лазарева, В. А. Корнилова, В. И. Истомина, П. С. Нахимова и других. В сво-

ей речи «при заложении храма» архиепископ Иннокентий осмыслял оборону Севастополя именно как защиту православных основ государства Российского: «Здесь купель нашего крещения, здесь начало нашей священной истории и народных преданий. Уступить после сего страну эту кому бы то ни было значило бы для России отказаться от купели своего крещения, изменить памяти Св. Владимира... Такова, говорю, сила и таков смысл нынешнего нашего священнодействия по отношению к врагам нашим!».

В ряду православных героев – священники самого старого на территории России Георгиевского монастыря на мысе Фиолент, основанного, по преданию, в 891 году (в 1820 году в обители останавливались на ночлег генерал Н. Н. Раевский и молодой Пушкин). В монастыре была смонтирована телеграфная станция, связывавшая командование союзных сил с Лондоном и Парижем через Варну посредством подводного кабеля. Пренебрегая присутствием врага, объявившего их пленниками, монахи ни на день не прекращали молитвы о победе русского оружия.

С началом боевых действий Николай I отправил в Севастополь список с иконы Божией Матери «Умиление», перед которой всю жизнь молился и скончался преподобный Серафим. Главнокомандующий войсками князь А. С. Меншиков в лучших традициях «образованного» общества оставил ее в каком-то чулане. Только после запроса государя о судьбе иконы ее разыскали, но на Южную сторону Севастополя, в

сражающуюся армию так и не отправили, оставив на Северной стороне. Именно Северная сторона города, как известно, так и не была взята неприятелем.

30 марта 1856 года подписывается Парижский мирный договор. 12 июля последние войска союзников покидают Крым, а уже 14 июля Александр II учреждает в Таврической губернии (как свидетельство победы духа над материальным злом) Косьмо-Дамиановский монастырь на чудотворном источнике – одну из любимых обителей русских самодержцев, особенно царя-мученика Николая II. Учреждение монастыря вполне естественная форма ознаменования финала для войны, которую современники называли «битвой за Ясли Господни».

В советское время своеобразное табу на полное и подробное освещение истории Крымской войны наложили, с одной стороны, резко отрицательная оценка К. Марксом и Ф. Энгельсом военной политики Николая I, с другой – известные слова В. И. Ленина о том, что война «показала гнилость и бессилие крепостной России». Ясно, что в советской историографии Россия просто обязана была проиграть Крымскую войну.

Основоположники марксизма, в полном согласии с новыми европейскими крестоносцами и либеральными демократами, были сторонниками полного поражения царизма как «главной силы реакции». Они видели в этом путь для свободного развития революционного движения в Евро-

пе. Оценивая европейскую буржуазию как «реакционную», Маркс и Энгельс соглашались, тем не менее, принести Россию ей в жертву только на том основании, что Англия и Франция находились на более высокой ступени экономического развития, имели сформировавшийся рабочий класс, передовые политические учреждения, а значит, возглавляли общественный прогресс.

Жизнь жестоко накажет «прогрессистов». XX век и история Германии наглядно продемонстрируют, как легко «передовой рабочий класс» превращается в ударную силу фашизма. Хребет этим крестоносцам XX века (даже на солдатских бляхах они выбьют клятву верности своему богу) ценой огромных жертв придется ломать полукрестьянской, такой не передовой и совсем не либеральной Советской России. Именно в годы Великой Отечественной войны Страна Советов впервые помирится с православной церковью и принесет ей первое покаяние. Именно в годы войны Сталин одобрит и напечатает монографию о Крымской войне академика Е. В. Тарле.

В 20-е годы мы с каким-то остервенением поснимаем в Севастополе памятники русским адмиралам. Ведь они же служили царю! Только после Великой Отечественной памятники вернутся в город, но православная составляющая Восточной войны так и останется под спудом. В результате ни в Свято-Никольский храм-памятник, ни на Севастопольское братское кладбище (не совсем точно, но зато выразительно

называемое в народе «стотысячным») за весь XX век никто из советских лидеров – ни Сталин, ни Хрущев, ни Брежнев, ни Горбачев – так ни разу и не придет. А ведь на братском «стотысячном» лежат русские воины самых разных национальностей, о чем говорят уже названия тех десятков полков, в боевых порядках которых они сражались, – Московский и Киевский, Минский и Эриванский, Литовский и Люблинский, Камчатский и Житомирский, Вологодский и Якутский, Полтавский и Тобольский...

Еще в марте 1854 года лорд Пальмерстон вручает членам британского кабинета меморандум, который он сам определял как «прекрасный идеал войны». Вот основные идеи этого плана: Аландские острова и Финляндия возвращаются Швеции, которая должна быть втянута в войну против России. Литва, Эстония, Курляндия и Лифляндия на Балтике уступаются Пруссии. Польское королевство восстанавливается как барьер между Германией и Россией, поглощая земли Белоруссии и Украины. Валахия, Молдавия, Бессарабия и устье Дуная передаются Австрии. Крым, Черкесия и Грузия отбираются у России: Крым и Грузия передаются Турции, Черкесия объявляется независимой или соединяется с султаном узами сюзеренитета. Отчетливо видно, что по этому сценарию Россия должна была быть отрезана от Черного и Балтийского морей и фактически прижата к Уральскому хребту.

Но даже этим не ограничивались замыслы агрессоров. Су-

дя по тому, что театр военных действий охватывал огромные пространства от Балтики до Тихого океана и от северных морей до Кавказа, их планы шли еще дальше. Нападению и бомбардировкам на территории России подверглись Ганге, Аландские острова и Бомарзунд, Або, Свеаборг и Кронштадт на Балтике, Соловки и сожженный архангельский городок Кола на Белом море, Петропавловск-Камчатский и устье Амура на Тихом океане, Одесса и Кинбурн на Черном море, Бердянск, Геническ, Мариуполь, Ейск и Таганрог на Азове, Новороссийск и Анапа, Екатеринодар, Фанагория и Тамань, крепость Св. Николая, Зугдиди и Сухуми на Кавказе, наконец, Евпатория, Балаклава, Севастополь, Инкерман, Керчь и Еникале в Крыму. А сколько еще потенциально опасных направлений нужно было закрывать войсками, которых так не хватало на театре боевых действий!

Таким образом, высмеиваемый в русских карикатурах и народных сатирических песнях той поры «воевода Пальмерстон» в воинственном азарте «поражал Русь» не только «на карте» и совсем не «указательным перстом».

Крымская война была первой в новое время попыткой насильственного расчленения России, задуманной и спланированной в Европе. Против России объединенным фронтом выступили, по сути, все европейские государства. Каждое из них тем самым совершило грех предательства и клятвопреступления, так как все эти государства (включая и Турцию!) в недавнем прошлом были чем-то жизненно важным обяза-

ны России. В общественных потрясениях и революционных бурях 1848–1849 годов, которые пронесли над Англией, Францией, Италией, Австрией и государствами Германии, Россия выступала как оплот стабильности и последней надежды на выручку. Каких только слов благодарности и уверений в вечной преданности она не выслушала в это время! Уговаривая Россию спасти Австрию от венгерской революции, фельдмаршал Кабога в прямом смысле валялся в ногах у князя Паскевича. Потом в знак признательности за оказанную помощь юный император Франц-Иосиф будет публично целовать руку Николаю I. Но не пройдет и года, как «благодарная» просвещенная Европа начнет готовиться к войне со своей спасительницей – «варварской» Россией.

Когда мы сегодня пишем о том, что в Крымской войне участвовала Турция, мы вводим в заблуждение современного читателя. Наш современник со словом «Турция» ассоциирует средней величины государство, располагающееся между Черным и Средиземным морями. В середине XIX века с Россией воевала не Турция, а Высокая Порта, или Оттоманская империя, основанная турками-османами. В ее состав входили громадные пространства практически от Гибралтара до Персидского залива и от Балкан до Сирии, Палестины, Египта и Судана. То же самое следует иметь в виду, говоря о Французской империи той поры (север Африки и другие колонии), о Британской империи, над которой «никогда не заходило солнце» (территории от Канады до Китая), и империи

Австрийской (достаточно напомнить о ее председательстве в Германском союзе, не говоря уже о Венгрии, итальянских землях и других территориях). Эти империи уже прошли тогда зенит своего могущества, а Российская империя своих территориальных пределов, которые в XX веке будут образовывать государственные границы СССР, достигнет только к концу XIX столетия. Территориальные и людские ресурсы напавших на Россию государств-империй фактически включали в себя преобладающую часть современной Европы (помимо собственно Великобритании, Франции, Австрии и Турции это Молдавия, Румыния, Болгария, Сербия, Албания, Босния, Герцеговина, Черногория, Хорватия; Мальта, значительная часть Италии, а не только одна Сардиния; Чехия, Словакия, Венгрия, Пруссия, государства Германского союза и др.), большие территории в Африке и Северной Америке (Канада), азиатские пространства, включая часть не принадлежавшего на тот момент России Кавказа (Батум, планы поддержки Шамиля и др.), Индию, Австралию и Новую Зеландию, а также другие земли.

В результате в армиях напавших на Россию государств господствовал полный антироссийский интернационал: рядом с англичанами и ирландцами, шотландцами и французами, итальянцами и турками воевали австралийцы и новозеландцы, поляки и венгры, немцы и швейцарцы, египтяне и тунисцы, казаки-некрасовцы, горцы и североамериканцы. Французы привезли в Крым экзотических зуавов. Инструк-

торами турецких военных и даже командирами их кораблей чаще были англичане (вспомним тот же позорно бежавший из Синопского сражения пароход «Таиф» и его командира Мушавера-пашу, который на самом деле был английским капитаном Адольфусом Слэдом). Полковник Роберт Каделл, офицер из индийских колоний, сначала командовал турецкой артиллерией под Евпаторией, а затем отличился на Кавказе в сражении на реке Ингури. Командующим турецкими войсками на Балканах, в Крыму, а потом на Кавказе был генерал Омер-паша – бывший австрийский офицер, хорват по происхождению Михаэл Латтас. Революционный венгерский генерал Клапка чуть не был назначен командующим турецкой армией в Малой Азии. Его соплеменник – венгр Георгий Кмети – под именем Исмаила-паши стал турецким героем в обороне от русских войск Карса. Черкес Сефер-бей, ставший турецким офицером, возглавлял отряд из двухсот горцев. Польский ренегат М. Чайковский создал из венгров и своих соплеменников целый батальон (не менее 4000 человек), принял ислам и воевал в Европе со вчерашними единоверцами-христианами под именем Садык-паша. Хозяйкой отеля и медсестрой была в Балаклаве Мэри Сикоул – темнокожая дочь Ямайки...

Европейская историография настойчиво убеждает общественность, что именно Россия стала инициатором Крымской войны, отвергнув мирные предложения Великобритании и Франции. Даже академик Е. В. Тарле, следуя оцен-

кам классиков марксизма, вынужден был повторить этот тезис в уже цитированных словах: «Царизм начал ... эту войну». Правда, буквально на следующей странице своего капитального труда историк опровергает это откровенно пропагандистское утверждение: «Не выпускать Россию из войны», изо всех сил бороться против всяких запоздалых попыток русского правительства – когда оно уже осознало опасность начатого дела, – отказаться от своих первоначальных планов; непременно продолжать и продолжать войну, расширяя ее географический театр, – вот что стало лозунгом западной коалиции».

Обратимся к фактам. Турция объявляет войну России 16 октября 1853 года, Россия Турции через две недели – 1 ноября.

Великобритания объявляет России войну 27 марта, Франция – 28 марта 1854 года. Россия опять же объявляет им войну двумя неделями позже – 11 апреля того же года.

Нам возразят, что в Дунайские княжества русские войска вошли за три месяца до объявления войны Турцией – 4 июля 1853 года. Это правда, но опять неполная. Полная правда состоит в том, что Дунайская кампания была ответом на притеснение православной церкви на «святой земле». Полная правда состоит в том, что еще 27 февраля 1853 года Англия и Франция заключают секретное соглашение о координации действий против России. Наконец, полная правда состоит в том, что 23 марта Наполеон III отдает приказ об отправке

французской эскадры под командованием адмирала Гамлена в Архипелаг, а в конце мая британское адмиралтейство отдает такой же приказ адмиралу Дондасу. 14 июня 1853 года обе эскадры уже стояли у входа в Дарданеллы.

План лорда Пальмерстона провалился.

Россия не проиграла Крымскую войну.

Во-первых, она выстояла в страшном противостоянии со всей Европой (фактически – со всем миром) и не допустила своего расчленения. Во-вторых, она успешно и уверенно выдержала натиск на востоке, на западе и на севере. В целом Россия практически в незыблемости сохранит свои территориальные пределы. В-третьих, она заставит выступить с предложениями о мирных переговорах саму Европу.

На юге на относительную неудачу обороны Севастополя (мы сдадим Южную сторону города, оставив за собой Северную) Россия ответит необыкновенными успехами, достигнутыми на кавказском театре боевых действий. Русская армия выиграет все сражения с турками, дойдет до Карса и заставит эту ключевую и «неприступную» крепость капитулировать (уже второй раз в истории русско-турецких войн!), открывая себе дорогу на Босфор. Это заставит похолодеть европейских вождей, понимавших, что они стоят перед реальной опасностью оказаться запертыми в черноморском «мешке».

Об этом напоминает Европе в самом начале своей знаменитой циркулярной ноты от 2 сентября 1856 года новый министр иностранных дел России князь Александр Горчаков,

говоря о «борьбе, размах которой грозил еще более расширяться (!), а исход не поддавался предвидению (!!)».

Крепость Карс падет 25 ноября 1855 года, а буквально несколькими днями позже тогдашний посол России в Вене А. М. Горчаков через конфиденциальные источники получит от французских представителей предложение для Александра II начать мирные переговоры...

Позднее военные успехи на Кавказе станут беспроблемными козырями в руках наших дипломатов. Россия возвратит Турции обширные территории в Малой Азии, разменяв их на Парижском конгрессе на захваченную союзниками ценой больших потерь Южную сторону Севастополя.

В целом Парижский мирный договор был настолько выгодным для России, что французский посол в Вене барон де Буркнэ отозвался на него высказыванием, превратившимся едва ли не в поговорку: «Никак нельзя сообразить, ознакомившись с этим документом, кто же тут победитель, а кто побежденный».

«Чудотворная крепость» оборонялась 349 дней. Но самое удивительное, что город в лучшем случае можно было назвать морской крепостью. С суши, откуда его штурмовали, он не имел оборонительных укреплений. Общеизвестно, что в начале кампании враг рассчитывал на очень скорую и легкую победу. Нет никакого другого аналога столь долгой обороны города в новой истории. Обычно города (в том числе крепости) сопротивлялись самое большее от трех до пяти

месяцев. «Севастопольская страда» продолжалась практически год. Именно поэтому город позднее будет назван современниками «новой Троей».

Е. В. Тарле и Сталин размышляют о ходе Крымской войны на фоне войны Великой Отечественной, в которой врагу были сданы весь Севастополь (а не только Южная его сторона) и весь Крым. Чем в итоге обернулось это для захватчиков, знают все. Именно поэтому мы с полным правом сегодня поём о «неприступном для врагов» Севастополе. Так же, как и мы сегодня, думали о городе русской славы 160 лет назад «непоколебимые» (Л. Н. Толстой) матросы Нахимова. Так думали 70 лет назад солдаты Победы маршала Жукова. С ними и в одном, и в другом случае были не согласны «прогрессисты», для которых европейская (а лучше – американская!) оккупация (военная, экономическая, информационная или духовная) всегда была высшей ценностью и целью.

Кстати, вопрос о «святых местах» был решен Крымской войной в полном объеме и по сегодняшний день. Христианские святыни в наше время находятся в ведении православной церкви.

Странное дело, но именами крымских городов и деревень, рек и полей «победители» на всех континентах, откуда они прибыли на войну, в каком-то молитвенном преклонении будут снова и снова называть свои улицы, площади, скверы, мосты, селения и города, возводить один за другим памятники, устанавливать памятные знаки, учреждать награды.

ды, открывать музеи и мемориальные комплексы. Крымских наименований по всему миру чрезвычайно много. Города и поселки с названиями Севастополь, Балаклава, Инкерман, Альма и другими мы встретим в Англии и Франции, Италии и Канаде, США, Австралии и Новой Зеландии. Принцесса Диана погибнет в Париже не где-нибудь, а в тоннеле под мостом Альма. Французы назовут этот мост и прилегающий к нему сквер в честь первого кровавого сражения Крымской войны в долине маленькой речки Альма. В Англии появится новое женское имя – Alma. А вязанные головные шлемы с прорезями для глаз, придуманные англичанами для защиты от холода, будут увезены ими к себе на остров, где их долгое время будут носить зимой дети младшего возраста. Сегодня шлемы «Балаклава» (именно в бухте этого города они когда-то родились) встретишь в экипировке людей самого разного профиля – от спецназовцев до террористов.

Так кто кого в таком случае победил? Кто кому старается подражать? Кто делает культ из самого факта своего участия в этой войне, поразившей сознание и души ее участников навсегда? Погрязший в суеверии западный мир, уподобляясь язычникам, словно пытается этими поименованиями напитать себя духом непобежденной и непобедимой армии и страны. Он греет себя в отблесках чужой славы, которую сам же официально не признает и всячески порочит.

Если Россия была так слаба и ничтожна, как писала западная пресса, какой доблестью могла быть победа над нею?

Но западный мир и ведет себя не как победитель, а как преступник, которого тянет вернуться на место преступления. Что он хочет там найти? Утраченную честь и славу? Свое испуганное восхищение противником? Может быть, самого себя?..

Давайте задумаемся: целый год лучшие полки Европы, стянутые со всего мира, штурмуют обыкновенный город, ценой необыкновенных усилий и потерь берут только часть его, и после этого, измотанные до предела, в каком-то угаре панического восторга объявляют себя победителями, практически прекращают всякие боевые действия и предаются безудержным грабежам.

А «побежденная» Россия между тем войну продолжает. Готовы к выполнению приказов войска, перешедшие по понтонному мосту на Северную сторону. Ведется регулярный и успешный обстрел Южной стороны, совершаются локальные военные операции, осуществляются захваты пленных. Победоносно сражаются полки на Кавказе: «несокрушимый» Карс будет взят через два с половиной месяца после падения Малахова кургана! Еще через месяц после этого состоится успешная оборона Екатеринодара от нападения горцев.

В Европе самым воинственным и близоруким становится ясно, что выиграть войну у этой страны и у этого народа нельзя. Почувствовав, что коалиция рассыпается, Австрия поспешит выступить посредником и предложит России сесть за стол переговоров в Вене. После достаточно долгого мол-

чания, явно заставившего Европу понервничать, новый император Александр II дал согласие начать мирный диалог. Но не в Вене, а в Париже. Наступил момент торжества русской дипломатии.

Да, Парижский договор лишил Россию права иметь военный флот на Черном море. Но этого же права была лишена по договору и Турция. Мало того, любым военным судам было запрещено проходить через проливы. Черное море фактически стало демилитаризованным. Чего еще было желать России, которая приступала к строительству своих броненосных кораблей?! На два флота сил все равно не хватало. Договор давал ей необходимую передышку на юге.

Почему о поражении России в Крымской войне упорно говорят ее современники?

Самые прозорливые из них все время осознавали особый характер этого «поражения». Своими комментариями они раскрывали глубинный смысл того, что видели все, но лишь немногие понимали. В их числе декабрист М. А. Бестужев, друг юности П. С. Нахимова, которому в сибирском заключении, освобождавшем от влияния политической суеты, многое виделось яснее и отчетливее: «... Севастополь пал, но пал с такою славою, что каждый русский ... должен гордиться таким падением, которое стоит блестящих побед».

В этом ряду и знаменитая, обошедшая Европу фраза князя А. М. Горчакова из уже упомянутого циркуляра по внешней политике от 2 сентября 1856 года (через год после паде-

ния Малахова кургана!), отвергающая упрек в том, что Россия «изолируется и молчит», что она «сердится». Ни то, ни другое, ни третье: «Россия сосредоточивается».

Но в большинстве своем современникам Крымской войны не был виден истинный масштаб и смысл пережитого страной испытания. Восточную войну не случайно называют протомировой. Она унесла жизни более 1 000 000 человек. Наибольшую часть составило гражданское население, ставшее жертвой эпидемий. Для Европы той поры это страшные потери. Но только сегодня мы понимаем, началом какой цепи событий была эта схватка: в XX веке в этом ряду две мировые войны, две революции, война Гражданская и война холодная. Все это понадобится врагам России именно потому, что Крымскую войну они проиграют. Они не смогут добиться главного – остановить мощный, пугавший их рост этого непонятого исторического феномена, именовавшегося Россией. Она пленяла сердца и умы громадного количества лучших сынов и дочерей Франции, Англии, Германии, Италии, Скандинавии и других стран, которые столетие за столетием шли служить ей верой и правдой в самых разных областях науки, культуры, хозяйства, военного дела, государственного строительства.

Развитие империи – «это наводящее ужас движение» (Н. В. Гоголь) – не знает остановок. Сразу после Парижского мира Россия завершит освоение Дальнего Востока, окончательно подчинит Кавказ и приступит к присоединению Средней

Азии, блистательно его осуществив выходом к границам Афганистана и Персии. В следующей войне с Турцией она вернет себе завоевания в Малой Азии, после чего Карская область более чем на сорок лет войдет в состав Российской империи. Руками Пруссии, разгромившей Австрию и Францию, Россия накажет за предательство Европу. Объединение Германии навсегда подарит головную боль Англии и денонсирует Парижский договор.

Крымская война дала мощный толчок развитию России во всех сферах: состоялась отмена крепостного права, были осуществлены военная, судебная и другие реформы, начался быстрый промышленный подъем, больших успехов добилась внешняя политика страны. На службу государству пришла блестящая плеяда великолепных чиновников. Помимо министра иностранных дел князя А. М. Горчакова можно назвать военного министра графа Д. А. Милютина, руководителя крестьянской реформы графа Н. А. Милютина, председателя Комитета министров графа П. А. Валуева, графа С. С. Ланского, генерал-адъютанта Я. И. Ростовцева и многих-многих других.

В России рождаются совершенно новые литература и искусство. «Сыновьями» Крымской войны одинаково являются и Л. Н. Толстой, и Ф. М. Достоевский. Один воюет под Севастополем, другой отбывает наказание на каторге, но оба они – выражение нового национального самосознания, которое Россия выносит из величайшего испытания – Крымской

войны.

Ярко и убедительно сказал об этом автор «Севастопольских рассказов»: «Чувство пылкой любви к отечеству, восставшее и вылившееся из несчастий России, оставит надолго следы в ней. Те люди, которые теперь жертвуют жизнью, будут гражданами России и не забудут своей жертвы. Они с большим достоинством и гордостью будут принимать участие в делах общественных, а энтузиазм, возбужденный войной, оставит навсегда в них характер самопожертвования и благородства».

*В. П. Казарин, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы,
профессор, доктор филологических наук.
Севастополь – Симферополь
2003–2013 гг.*

От автора

получив приглашение написать общедоступную историю трехсотсорокадевятидневной защиты Севастополя и сознавая всю трудность такого исполнения, я изъявил согласие принять на себя этот труд только при том условии, чтобы мне было дозволено читать рукопись по мере ее составления лицам, принимавшим участие в защите славного города.

Изъявив согласие на выраженное мной желание, председатель севастопольского отдела на политехнической выставке генерал-адъютант Александр Алексеевич Зеленый, под непосредственным своим председательством, пригласил к слушанию следующих лиц: адмирала Панфилова, генерал-лейтенантов: Баумгартена, Менькова и Гарднера; вице-адмирала Керна; контр-адмиралов Перелешина и Воеводского; генерал-майоров Леера, Шварца и Фролова; полковников Крыжановского и Дельсаля и капитана 1 ранга Асланбекова.

Считаю долгом настоящим заявлением принести хотя слабую, но искреннюю мою благодарность всем этим лицам за те замечания, которые были мне сделаны. Вместе с тем нахожу необходимым сказать, что при составлении этого труда я пользовался следующими источниками: «Описанием обороны Севастополя», составленным под руководством генерал-адъютанта Тотлебена; «Походными записками» П.

Алабина; «Записками об осаде Севастополя» Берга; «Севастопольскими воспоминаниями артиллерийского офицера»; «Материалами для истории обороны Севастополя», собранными А. Жандром и многими другими статьями, разбросанными по разным книгам, журналам и газетам. Если при цитировании я не указывал источника и имени автора, у которого мной заимствован рассказ, то это потому только, что в подобном сочинении всякие ссылки признаны неудобными.

К книге приложено два плана: один с обозначением самого города и окружающих его укреплений, другой – окрестностей Севастополя. Оба они необходимы для лучшего ознакомления как со славной защитой Севастополя, так и с происходившими в окрестностях его полевыми сражениями.

Не веселую, братцы, вам песню спою,
Не могучую песню победы,
Что певали отцы в Бородинском бою,
Что певали в Очакове деды.

Я спою вам о том, как от южных полей
Поднималось облако пыли,
Как сходили враги без числа с кораблей,
И пришли к нам, и нас победили,

А и так победили, что долго потом
Не совались к нам с дерзким вопросом,
А и так победили, что с кислым лицом
И с разбитым отчалили носом...

Я спою, как росла богатырская рать,
Шли бойцы из железа и стали.
И как знали они, что идут умирать,
И как свято они умирали.

Как красавицы наши сиделками шли
К безотрадному их изголовью.
Как за каждый клочок нашей русской земли
Нам платили враги своей кровью.

Как под грохот гранат, как сквозь пламя и дым
Под немолчные, тяжие стоны —
Выходили редуты один за другим,
Грозной тенью росли бастионы...

И одиннадцать месяцев длилась резня,
И одиннадцать месяцев целых
Чудотворная крепость, Россию храня,
Хоронила сынов ее смелых...

Пусть не радостна песня, что вам я пою,
Да не хуже той песни победы,
Что певали отцы в Бородинском бою,
Что певали в Очакове деда!

Алексей Апухтин

Глава I

Причины войны России с Англией, Францией и Турцией. – Деятельность черноморского флота. – Адмиралы Нахимов и Корнилов. – Синопское сражение

Часть Палестины, в которой находятся Вифлеем и Иерусалим с их окрестностями, известна под именем Святых Мест.

Находясь в середине турецких владений, Святые Места всегда были и останутся священными для каждого христианина. Там родился Господь наш Иисус Христос, там проповедовал Он свое учение, там Он страдал и умер за грехи рода человеческого, и, наконец, там впервые появились последователи Христа, Его ученики-апостолы, распространившие христианство во всех концах вселенной. Понятно, что каждый истинный христианин высоко чтит те места, где протекла земная жизнь нашего Исккупителя.

Православный русский народ издавна отличался более других своей набожностью и благоговением к Святым Местам. Отцы и деды наши считали за великое счастье побывать в Иерусалиме и поклониться Гробу Господню. Многие из них, ввиду такого высокого блаженства, предпринимали трудные и продолжительные путешествия: шли пешком несколько тысяч верст, плыли по морю, претерпевали голод и холод на чужой стороне, подвергались насмешкам, но все-таки достигали этого высокого счастья. Таких верующих рус-

ских всегда было много в Иерусалиме. Отовсюду стекались они: с севера и юга, с востока и запада, чтобы хоть раз в жизни взглянуть на колыбель христианства, чтобы у подножия Гроба Христова принести теплую молитву и посильное пожертвование от трудов своих на украшение святого места. Пожертвования эти шли на содержание основанного здесь монастыря и устроенного возле него странноприимного дома, где богомольцы находили приют и отдохновение.

Почитание Святых Мест сохранилось и у католиков, которые также приходили поклониться Гробу Господню и имели там свои монастыри и заведения для богомольцев.

Исповедуя христианскую религию греческого закона, которую исповедует большая часть христианских подданных Турции (греки, сербы, молдаване и пр.), Россия всегда пользовалась большими преимуществами относительно Святых Мест, чем все прочие государства Европы.

Ей издавна принадлежало право покровительствовать и защищать от притеснений турок более 14 миллионов христианского населения Турции.

Россия не искала этого права – оно пришло само собой.

Подчинив своей власти христианское население, турки, исповедуя магометанскую религию, стали преследовать христиан до такой степени, что им было запрещено строить свои церкви, а в тех, которые были построены, разрешалось отправлять богослужение с большими ограничениями: не звонить в колокола, не совершать крестных ходов и пр. С течением

нием времени притеснения эти еще более увеличились. Христианам не дозволялось собираться большими толпами для молитвы; во время службы в церквях присутствовали турки, которые смотрели на церковь с пренебрежением: входя во храм, не снимали шапок, усаживались где хотели, смеялись над образами и пр.

Христиане не смели противиться таким поступкам, потому что турки считали себя господами, а христиан рабами. Каждый христианин при встрече с турком обязан был первый поклониться, дать ему дорогу; если христианин ехал, то должен был сойти с телеги или лошади для того, чтобы сделать обычный поклон. Турок имел право отнять у каждого христианина понравившуюся ему жену или дочь и отправить их в свой гарем, или помещение, где живут многочисленные его жены. Словом сказать, каждый турок, не считая христианина человеком таким же, каков сам он, смотрел на него с презрением и называл словом гяур — «собака».

Испытывая такие притеснения, христиане неоднократно обращались к единоверной им России с просьбой о защите.

Внимая просьбе несчастных, Россия принимала горячее участие в облегчении их страданий. После каждой войны и победы над турками русское правительство всегда выговаривало в пользу христиан такие условия, которые служили к облегчению христиан в Турции.

Такое преобладание России не нравилось другим государствам Европы, и в особенности Франции как главной католи-

ческой державе. Франция завидовала, что православное население Турции, а вместе с ним и Россия господствовали в Святых Местах перед всеми другими державами, завидовали тому, что в распоряжении одних только православных были такие места, куда не допускались католики.

В начале пятидесятих годов по подговорам Франции произошла ссора между православными и католиками за обладание и пользование Святыми Местами. Причиной тому было искательство о допущении католиков в Гефсиманскую пещеру и требование выдачи им ключа от главных дверей Вифлеемского храма. В распоряжении католиков был ключ от малых дверей этого храма, но они не довольствовались этим и требовали от больших. Турецкое правительство уступило этим требованиям и, приказав передать ключ католикам, лишило тем Россию и все православное население Турции тех прав, которыми они издавна пользовались. Иерусалимский патриарх немедленно написал письмо к Всероссийскому Правительствующему Синоду с просьбой о защите церкви и прав православных. Император Николай I как покровитель христианского населения Турции не мог отказать в этой просьбе. По требованию его султан издал объявление, по которому все права и преимущества православных оставались на прежнем основании, но, опасаясь неудовольствия со стороны Франции, приказал своему губернатору в Иерусалиме не приводить этого объявления в исполнение.

В силу такого приказанья ключ от больших дверей хра-

ма Вифлеемского оставался по-прежнему в руках католиков, завладевших храмом и удаливших из него православного священника, более ста лет стоявшего стражем у дверей этой святыни. Узнав о таком двуличии турецкого правительства, император Николай для разрешения вопроса о Святых Местах отправил князя Меншикова чрезвычайным послом в Константинополь.

Христианское население Турции с нетерпением ожидало приезда русского посла, в котором оно видело защитника их веры от притеснений иноязычников. Толпы любопытных ежедневно собирались перед домом русского посольства в ожидании прибытия князя Меншикова.

Утром 16 февраля 1853 года, в день желанного приезда, толпа еще более увеличилась. Все пространство от пристани до дома русского посольства было занято любопытными. Толкам и пересудам о цели приезда князя Меншикова не было конца.

Но вот вдали показался пароход, за ним другой, и гром почетных выстрелов послу смешался с восклицаниями собравшихся зрителей. Всегда сонные, ленивые и равнодушные жители Востока теперь восторжеслись и приветствовали князя Меншикова громким криком радости. Сойдя на берег, князь сел в коляску и поехал в дом посольства в сопровождении толпы, бежавшей за поездом и окружавшей его со всех сторон. По мере того как он подвигался вдоль улицы, его всюду встречали те же радостные крики. Большинство зрителей

снимало шапки и осеняло себя крестным знамением, как бы прося у Бога успеха в исполнении его поручения.

Князь Меншиков въехал во двор дома. Толпа окружила дом со всех сторон, и долго стояла она в таком положении, будто прикованная, как будто угадывая будущее...

Встревоженное приездом русского посла, турецкое правительство с нетерпением ожидало, какого рода требования будут заявлены князем Меншиковым.

Русский посланник, указав на двуличие турецкого правительства и на неисполнение обещаний султана, требовал обеспечения прав православного населения Турции под покровительством России. Он требовал, чтобы турецкое правительство разрешало строить православные церкви везде в Турции, где бы ни пожелали наши единоверцы; чтобы в окрестностях Иерусалима было отведено приличное место для построения русской церкви и под устройство госпиталя для бедных больных и богомольцев.

Турецкое правительство долго затруднялось, как отвечать на это требование. Боясь отказом оскорбить Россию, а согласием Францию и другие католические державы, оно не знало, на что решиться. Затруднительное положение Турции прекратилось только тогда, когда Франция и Англия, желая унижить Россию, обещали защищать Турцию своими войсками. Получив такое обещание, правительство Порты приняло более решительное поведение. Князю Меншикову объявлено, что султан издаст такое постановление, которым бы обеспе-

чивались за христианами в Турции все их привилегии, духовные и светские. Этим постановлением утверждались такие преимущества католиков, которых они прежде не имели, и уменьшались вековые права православных – словом сказать, ублажалась Франция и оскорблялась Россия.

Очевидно, светлейший князь Меншиков не мог согласиться на это и настаивал на своем. Турецкое правительство отказалось исполнить его требование, и русский посол уехал из Константинополя, не получив удовлетворения. Султан, опасаясь разрыва с Россией, искал помощи у Франции и Англии, которые и двинули свои флоты к пределам Турции для ее защиты.

В свою очередь, император Николай I, получив отказ в своих требованиях и узнав о движении англо-французского флота, приказал русским войскам занять Придунайские княжества, прилегавшие к русским границам и находившиеся во власти Турции.

«Известно любезным нашим верноподданным, – писал император в изданном манифесте, – что защита православия была искони обетом блаженных предков наших.

С того самого времени, когда Всевышнему Промыслу угодно было вручить нам наследственный престол, охранение сих святых обязанностей, с ним неразлучных, было постоянно предметом заботливости и попечений наших; и они, имея основанием Кючук-Кайнарджийский договор, подтвержденный последующими торжественными трактата-

ми с Оттоманской Портой, всегда направлены были к обеспечению прав церкви православной.

Но, к крайнему прискорбию, в последнее время, вопреки всех усилий наших защищать неприкосновенность прав и преимуществ нашей православной церкви, многие самопроизвольные действия Порты нарушили те права и грозили, наконец, совершенным ниспровержением всего увековеченного порядка, столь православию драгоценного.

Старания наши удержать Порту от подобных действий остались тщетными, и даже торжественно данное нам самим султаном слово было вскоре вероломно нарушено.

Истощив все убеждения и с ними все меры миролюбивого удовлетворения справедливых наших требований, признали мы необходимым двинуть войска наши в Придунайские княжества, дабы доказать Порте, к чему может вести ее упорство. Но и теперь не намерены мы начинать войны; занятием княжеств мы хотим иметь в руках наших такой залог, который бы во всяком случае ручался нам в восстановлении наших прав.

Не завоеваний ищем мы: в них Россия не нуждается. Мы ищем удовлетворения справедливого права, столь явно нарушенного. Мы и теперь готовы остановить движение наших войск, если Оттоманская Порта обяжется свято наблюдать неприкосновенность православной церкви. Но если упорство и ослепление хотят противного, тогда, призвав Бога на помощь, Ему предоставим решить спор наш, и, с полной на-

деждой на Всемогущую Десницу, пойдем вперед за веру православную».

Как только русские войска вступили в княжества, Турция тотчас же первая объявила войну России и открыла неприязненные действия на Дунае. Россия отвечала ей тем же.

И так, говоря словами Высочайшего манифеста (20 октября 1853 года), Россия вызвана была на брань: ей оставалось, возложив «упование на Бога, прибегнуть к силе оружия, дабы понудить Порту к соблюдению трактатов и к удовлетворению за те оскорбления, коими отвечала она на самые умеренные наши требования и на законную заботливость нашу о защите на Востоке православной веры, исповедуемой и народом русским».

Война с Турцией была объявлена – и заколыхалась Русь на призыв царский.

От Перми и до Тавриды,
От хладных Финских скал
До пламенной Колхиды,
От потрясенного Кремля
До стен недвижимого Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Восстала русская земля!

Вскоре после объявления войны турки, переправившись через реку Дунай, заняли Калафат и флот их появился в Черном море. Для наблюдения за его движением выслано бы-

ло из Севастополя несколько наших военных судов – и рассыпались черноморцы по своему родимому морю. Повсюду шныряли они, отыскивая неприятеля, с которым сражались неоднократно, и всегда выходили победителями.

Да и как было не быть им победителями, когда во главе их стояли такие адмиралы как Михаил Петрович Лазарев, Нахимов и Корнилов.

Вице-адмирал Владимир Алексеевич Корнилов был начальником штаба черноморского флота, и потому в руках его находилось почти все высшее управление этим флотом. Отличаясь сам неутомимой деятельностью, В. А. Корнилов умел внушить своим подчиненным любовь к делу, усердие к службе и доверие друг к другу. Проникнутый чувством высокой любви к отечеству, он вселял то же чувство и в своих подчиненных. Человек храбрый, самоуверенный и решительный, Корнилов в минуты опасности становился еще деятельнее и казался спокойнее обыкновенного. В его присутствии унынию не было места: он всегда умел ободрить подчиненных и внушить им уверенность в самих себя, в свою силу и могущество. Хорошо зная все, что касалось до морской части и до управления флотом, Корнилов приобрел в морях такую к себе доверенность, что, как увидим ниже, в минуту опасности они, руководимые своим адмиралом, заслужили бессмертную славу в истории русского народа.

Другим предводителем Черноморского флота и представителем его славы был вице-адмирал Нахимов.

Павел Степанович Нахимов был вполне лихой моряк. Это был человек на удивление храбрый, необыкновенно деятельный, неограниченно преданный своему делу, любивший своих подчиненных как родных братьев и детей и, в свою очередь, обожаемый ими.

Совершив в молодости кругосветное путешествие под начальством М. П. Лазарева, Павел Степанович приобрел опыт в морском деле и, едва только возвратившись в Россию, принял участие в Наваринском сражении, за которое получил чин и орден Св. Георгия. Скоро опытность в управлении кораблем, храбрость в сражении и преданность морской службе обратили на себя внимание, и Павел Степанович, имея от роду только 24 года, был уже штаб-офицером. Человек высоких душевных качеств, прямой, откровенный и любящий, он с первых же дней командования отдельными судами приобрел себе любовь и уважение своих подчиненных.

Одной из самых достойных черт Павла Степановича была простота, доступность и терпение, с которым он выслушивал нужды своих подчиненных. Каждый матрос шел к нему смело, говорил откровенно, случалось, просил и помощи. Павел Степанович никогда не отказывал. Получая довольно значительное содержание, но не имея семейства и живя очень скромно, Нахимов почти никогда не имел денег, потому что раздавал их бедным, и в особенности на пособие матросам и их семействам. Эта заботливость о матросе не укрылась от внимания тех, о которых всю свою жизнь хлопотал Нахимов.

– Ребята! Вот отец матросов идет, – говорили солдаты, завидя издали Нахимова.

Высокое уважение к личности каждого и строгое исполнение служебных обязанностей ставили Павла Степановича образцом для всех его подчиненных.

Сам служа примером неутомимой деятельности, он, как знаток дела, требовал того же и от вверенной ему команды. Подчиненные, видя, что Павел Степанович трудится более их, исполняли тяжелую работу без ропота, вполне уверенные, что, если можно в чем сделать облегчение, командиром не будет забыто. Эта любовь к делу и умение внушить его своей команде сделали Нахимова одним из лучших командиров Черноморского флота.

Суда, которыми командовал Нахимов, считались образцовыми; многие офицеры приезжали посмотреть на них и поучиться чистоте, порядку и вооружению. Как примерный командир и знаток дела, Нахимов приобрел такое уважение со стороны своих сослуживцев, что каждый старался заслужить его похвалу или одобрение – так велико было нравственное влияние этого человека.

Плавая по всем морям двадцать два года, Павел Степанович изучил морское дело в совершенстве; он перенес на море все роды службы от простого плаванья до громадных битв, решавших судьбу народов. Понятно, что при подобной деятельности Нахимов был опытным наставником и отличным вожатым Черноморского флота. Каждый моряк, будь то офи-

цер или матрос, плавая под флагом Нахимова, знал, что начальник сам зорко следит за всем, что он взвешивает каждое обстоятельство и если решится на что-либо, то с несомненной надеждой на успех. Вот причины, почему подчиненные Павла Степановича готовы были идти с ним в огонь и воду. Нахимов сознавал свое сильное влияние и слепую преданность к нему сослуживцев от капитана до матроса, и, когда встретилась нужда, он, как сейчас увидим, воспользовался ею самым блестящим образом.

В октябре 1853 года вице-адмирал Нахимов получил приказание со своей эскадрой выйти в море для наблюдения за неприятелем на всем пространстве между Крымом и Анатолией. Перед выступлением в поход Нахимов отдал приказ, в котором писал, что при встрече с турецкими судами первый неприязненный выстрел должен быть сделан неприятелем, но зато если турки на это решатся, то должны быть уничтожены.

Чуть свет 11 октября эскадра наша тихо и торжественно снялась с севастопольского рейда. Как рано ни было, но жители Севастополя толпились на возвышениях, напутствуя уходящих желанием славы и победы.

Стояла бурная осень, когда Нахимов оставил Севастополь и вышел в море. Непрестанные порывистые ветры, туманы, штормы и шквалы составляют особенность Черного моря в это время года. Нахимов, несмотря на бури, постоянно держался в море, испытывал со своей эскадрой все невзгоды от

сильной качки, дождя и холода и неутомимо сторожил турецкий флот, который, по сведениям, должен был выйти с десантом² из Босфора, для того чтобы овладеть нашим городком Сухумом, высадить там свои войска, привезти боевые припасы на кавказский берег к непокорным горцам и возмутить их против России.

Не получая манифеста с объявлением войны, Нахимов находился в лихорадочном состоянии, не зная что делать в случае встречи с неприятельским флотом. Наконец 1 ноября он поднял эскадре радостный и короткий сигнал: «Война объявлена! Турецкий флот вышел в море; отслужить молебствие и поздравить команду!» На следующий день, 2 ноября вечером, Нахимов отдал замечательный приказ.

«Не имея возможности, – писал он, – за крепким ветром и большим волнением два дня передать на суда вверенного мне отряда копию с манифеста объявления войны с Турцией, я передаю их теперь и предлагаю гг. командирам приказать священникам прочесть их при собрании всей команды. Имею известие, что турецкий флот вышел в море с намерением занять принадлежащий нам порт Сухум-Кале и что для отыскания неприятельского флота отправлен из Севастополя с шестью кораблями генерал-адъютант Корнилов. Неприятель не иначе может исполнить свое намерение, как пройти мимо нас или дав нам сражение. В первом случае я надеюсь

² Десантом называются сухопутные войска, посаженные на суда для перевозки морем.

на бдительный надзор гг. командиров и офицеров; во втором, с Божией помощью и уверенностью в своих офицерах и командах, я надеюсь с честью принять сражение. Уведомляю, что в случае встречи с неприятелем, превышающим нас в силах, я атакую его, будучи совершенно уверен, что каждый из нас сделает свое дело».

Прошло три дня. Часов в 11 утра 5 ноября издали были слышны выстрелы с некоторыми промежутками. Предполагая, что адмирал Корнилов, встретив турецкий флот, имеет с ним дело, Нахимов со своей эскадрой двинулся по направлению слышанных выстрелов. В десятом часу вечера вдали показались сначала огни, а за ними ясно обозначилась эскадра вице-адмирала Корнилова, который, обойдя весь турецкий берег и не встретив неприятеля, пересел на пароход «Владимир», чтобы навестить эскадру Нахимова. На пути «Владимир» встретил турецко-египетский пароход «Перваз-Бахри» и пустился его преследовать. После трехчасового упорного боя противник, потеряв начальника, спустил свой флаг и сдался военнопленным.

Взяв свой победный трофей, Корнилов отправился с ним в Севастополь, а Нахимов по-прежнему оставался в море для наблюдения за неприятелем.

Выдержав сильнейший шторм 8 ноября, Нахимов принужден был отправить два корабля в Севастополь для исправления повреждений. В его распоряжении осталось только три корабля, когда получено было сведение, что на синоп-

ском рейде под защитой шести береговых батарей стоит отряд турецких судов из семи фрегатов, двух корветов, одного шлюпа и двух транспортов.

В ожидании подкреплений Нахимов подошел весьма близко к берегу с той целью, чтобы, постоянно наблюдая за неприятелем, не пропустить его выйти из порта и бежать обратно в Константинополь. Несмотря на весьма дурную погоду, на беспрестанный дождь с сильным ветром, эскадра держалась в море до тех пор, пока не присоединились к Нахимову еще три корабля и два фрегата под начальством контр-адмирала Новосильского. Сознывая, что с такими силами можно с успехом атаковать неприятеля, Павел Степанович 16 ноября пригласил к себе всех командиров судов, сообщил им план действий и отдал по эскадре приказ, в котором заранее было все предусмотрено и соображено. В десяти небольших пунктах адмирал сказал все, что следовало делать при различных обстоятельствах боя. Он предписал не стрелять даром по судам, которые признают себя побежденными, и не вредить консульским домам, на которых будут подняты национальные флаги. Не желая, однако же, стеснять своими правилами командиров судов, особенно при перемене обстоятельств боя, которые предвидеть заранее нет возможности, Павел Степанович предоставил каждому действовать по своему усмотрению, но непременно исполнить долг свой. «Государь Император и Россия, – прибавил он в заключение своего приказа, – ожидают славных подвигов от Черноморского

флота; от вас зависит оправдать ожидания».

Утром 18 ноября дул сильный ветер, и едва он стал стихать, как в 9.30 русская эскадра готовилась к бою так же спокойно, как бы готовилась к обыкновенному учению. В одиннадцать часов на всех судах был отслужен молебен, и около полудня эскадра построилась в две колонны, спустила гребные суда, чтобы сберечь их от выстрелов, и, по щегольскому обычаю, принятому во флоте, помчалась на синопский рейд под национальными флагами на брам-стенгах. Впереди всех шли адмиралы: Нахимов на корабле «Императрица Мария» и Новосильский – на корабле «Париж».

Эскадра шла двумя колоннами для того, чтобы развернуться веером против турок, стоявших лунообразно под прикрытием своих береговых батарей. Бывшие при эскад্রে два фрегата, «Кагул» и «Кулевчи», получили приказание остаться под парусами для наблюдения за неприятельскими пароходами в случае, если бы, пользуясь парами, они вздумали вредить кораблям или бы предприняли бежать из бухты. Увидав сигнал на корабле «Императрица Мария», команды ожидали приказа своих командиров приготовиться к бою, но вместо того на адмиральском корабле, как в обыкновенное мирное время, показан был полдень.

Несмотря на дождь и пасмурную погоду, неприятель заметил приближение русской эскадры; над его пароходами клубился дым, остальные суда готовились к бою.

В половине первого, по первому выстрелу с турецкого

фрегата, Нахимов бросился на синопский рейд, и тогда закипел тот ожесточенный бой, который кончился совершенным истреблением турок, взятием в плен раненого начальника турецкой эскадры и двух командиров судов. Шедшие впереди всех корабли «Императрица Мария» и «Париж» были засыпаны неприятельскими снарядами, но, несмотря на свои повреждения, храбро продвигались вперед, действуя батальным огнем по неприятельским судам, мимо которых проходили. Приблизившись к неприятелю не далее ружейного выстрела, эскадра действовала как на ученье; срыла батареи, сожгла, взорвала на воздух суда – одним словом, истребила своего врага.

Во время боя особенно отличились корабли: «Императрица Мария» под начальством капитана 2 ранга Барановского и под флагом Нахимова, «Константин» под командою капитана 2 ранга Ерюмешева и «Париж» под командой капитана 1 ранга Истомина и под флагом контр-адмирала Новосильского. Нахимов хотел изъяснить этому последнему кораблю свою благодарность во время самого боя, но не на чем было поднять сигнал – все фалы были перебиты.

Почти в самом начале боя 20-пушечный неприятельский пароход «Танф» вышел из-за линии сражавшихся и помчался в Константинополь. Наши фрегаты «Кагул» и «Кулевчи» бросились за ним в погоню, но быстрый пароход скоро вышел из-под выстрелов наших фрегат. В это время из-за мыса показался пароход «Одесса», на котором был вице-ад-

мирал Корнилов; за «Одессой» следовали еще два парохода, «Херсонес» и «Крым», где находился начальник пароходного отряда контр-адмирал Панфилов. Корнилов тотчас же поднял сигнал: пароходам атаковать неприятеля, поставить его в два огня. «Крым» бросился в погоню и открыл огонь по убегавшему пароходу. Его примеру последовали «Одесса» и «Херсонес», но «Таиф» имел гораздо больший ход, так что выстрелы наши не достигали до него. Заметив это, В. А. Корнилов остановил преследование и поворотил со своими пароходами к Синопу.

В половине третьего часа пополудни на синопском рейде все было кончено и уничтожено 30 неприятельских судов со всем их экипажем. Командовавший эскадрой Осман-паша и два командира фрегатов были взяты в плен и привезены в Севастополь. Поразительно было зрелище гибели турецких судов: прибитые волнением к берегу, суда горели, и по мере того, как раскалялись бывшие на них орудия, они стреляли ядрами по рейду, не нанося, впрочем, никакого вреда нашим судам. Наконец, когда огонь достигал до места хранения пороха, суда взлетали на воздух и горящими обломками своими осыпали город. Синоп горел; никто не приходил тушить пожара, и ветер, свободно переносил искры с одного места на другое, усиливал пожар города, все жители которого искали спасения в окрестных горах.

С самого начала боя синопский губернатор, начальник береговых батарей и все начальство города бежало в горы.

Солдаты гарнизона и все те, которые могли спастись с кораблей, бежали туда же. Около полуночи все пространство, обнесенное каменной стеной, было охвачено пламенем пожара; часть же города, населенная греками и христианами, осталась невредимой. Город был совершенно пуст, и долго после боя в прибрежных волнах и на берегу валялись трупы убитых и видны были уничтоженные батареи. В уцелевших домах, по свидетельству австрийского консула, найдены только раненые и умирающие. Вместе с кораблями и пушками неприятель потерял почти весь десант, и высадка турецких войск на кавказский берег сделалась невозможной. По собранным сведениям, в синопском сражении погибло до 4 тыс. человек турок; наша же потеря состояла в 37 человек убитых и 229 – раненых.

Всю последовавшую за тем ночь пароходы отводили наши корабли от берега из опасения, чтобы с переменой ветра горящие турецкие суда не снесло на нашу эскадру.

Победители-черноморцы тотчас же после сражения начали исправлять повреждения в корпусах кораблей, потерпевших немало. Более всех пострадал от выстрелов корабль «Императрица Мария», у которого почти все мачты были перебиты. Только неутомимая деятельность, ревность к службе и знание морского дела офицеров и нижних чинов дали возможность в продолжение 36 часов поставить эскадру в такое состояние, что она могла предпринять обратное плавание в глубокую осень и среди осенних бурь через все Черное море.

Утром 19 ноября был отслужен на эскадре благодарственный молебен, после которого весь день работали над исправлением. В 8 часов утра 20 ноября эскадра снялась с якоря, за исключением корабля «Императрица Мария», повреждения которого по своей значительности не могли быть так скоро исправлены.

Пересев на корабль «Великий князь Константин», Нахимов поручил контр-адмиралу Панфилову остаться с пароходом «Крым» и фрегатами «Кагул» и «Кулевчи», исправить повреждения в корабле «Императрица Мария» и привести его в Севастополь. Снявшись с якоря только в три часа пополудни, контр-адмирал Панфилов явился в Севастополь ранее эскадры, за что и получил благодарность адмирала. Сам Павел Степанович Нахимов с потерпевшей от боя эскадрой совершил свой путь без всякого затруднения и, на удивление всей Европы, 22 ноября был уже в Севастополе.

«Часть русского флота, — писали в английских газетах, — держалась в море несколько дней в такую ужасную непогоду, в которую ни турки, ни австрийские пароходы на противоположном берегу не смели показываться в море. Неужели эти русские матросы те самые трусливые новобранцы, о которых нам натолковали? Боевой их порядок в деле удивительный. Расстояние, в котором они дрались, конечно, было очень близкое, потому что один спасшийся турок рассказывает, что он, взглянув наверх, увидел целую стену пушек, и тотчас же после того весь бок корабля был истрелен, как

решето. Такого совершенного истребления и в такое короткое время никогда еще не бывало. Русские показали, что им известны все улучшения новейшего артиллерийского искусства, осыпая неприятеля беспрестанным дождем бомб. Турецкий вице-адмирал Осман-паша взят был в плен с кораблем его, но последний был так избит, что принуждены были пустить его ко дну³, как равно и прочие суда турецкой эскадры».

Среди всеобщего ужаса, распространенного в Турции, русская эскадра пришла в Севастополь, где была встречена радостными приветствиями всего остального флота и всех жителей города.

«Ура!», самое громкое, какое только гремело когда-либо на крымских берегах, грянуло навстречу победителям громче синопских пушек. Севастополь ликовал несколько дней неподдельным восторгом и приветствовал победителей горячей любовью.

За синопский бой, один из блистательнейших в новейшее время, Павел Степанович Нахимов получил орден Св. Георгия 2-й степени, при следующей Высочайшей грамоте от 28 ноября 1853 года: «Истреблением турецкой эскадры при Синопе вы украсили летопись русского флота новой победой, которая навсегда останется памятной в морской истории.

Статут военного ордена Св. Великомученика и Победо-

³ Это несправедливо – корабль, на котором находился Осман-паша, был сожжен.

носса Георгия указывает награду за ваш подвиг.

Исполняя с истинной радостью постановление статута, жалуем вас кавалером Св. Георгия 2-й степени большого креста, пребывая к вам Императорской милостью Нашей благосклонны».

Россия ликовала. Все, кому только дорога слава отечества, заявляли свой восторг и удивление подвигу П. С. Нахимова и его сподвижников, моряков Черноморского флота. Истинно русские люди, скрывая свое имя, посылали Павлу Степановичу лики святых, и в числе их образ Николая Чудотворца, как бы благословляя тем доблестного адмирала на будущие подвиги. Отовсюду, со всех концов России, посыпались к Нахимову поздравительные письма и стихи, которых, по своей врожденной скромности, Павел Степанович не хотел обнародовать. Признательность царя, восторг и уважение соотечественников, слава и известность осенили доблестного адмирала, горячо любимого всеми сослуживцами.

Синопская победа, доказавшая отличное состояние Черноморского флота, возбудила у всех живейшую радость, и имя Павла Степановича Нахимова стало известно каждому — оно сделалось народным.

Тысячами разошлась между русскими людьми изданная в Москве картина, изображающая синопское сражение и подвиги Черноморского флота. Как радость, как подарок детям, покупал эту картинку мужичок, вез домой и, повесив ее на видном месте избы, рассказывал семье про подвиг Павла

Степановича так: «Как в Азии было, не в Европе, при городе было при Синопе, что стоит на Черном море, отведали турки лютого горя, и доселе не образумятся мусульмане, все ходят словно в тумане. Дело было этак далеко за ночь; как наш родной Павел Степаныч вздумал по морю поплавать, паруса у корабликов поправить, и посмотреть хозяину не мешает: все ли на море в порядке пребывает, не мутят ли его воды вражьи корабли и пароходы. Вот видит он вдали в тумане, что по морю гуляют мусульмане, в облаках играют их ветрила, а их несметная сила! Иной бы от чужого флагу дал поскорее тягу или наострил бы лыжи, а он кричит: подходи ближе! Добро пожаловать, непрошеные гости, быть вам сегодня на погосте. Вперед вы у меня без спросу не покажете в море носу. Вас сила велика, а у нас вера крепка. У вас кораблей супротив нашего втрое, а мы согнем вас вчетверо; мы силе вашей дивуемся, а все на вас вблизи полюбуемся, уж назад не отступим и вас на обе корки отлупим. Стой-равняйся, на якоре укрепляйся! Турецкие канониры палят в пушки и мортиры: только из-за дыма все палили мимо; море волнуется, турки беснуются. Наши все крепились, да молчали, да вдруг разом отвечали, как грохнули с корабля «Константина»: погибла турок половина, а как начали палить остальные, стали турки словно шальные; со страху взмолились Аллаху, звали Магомета с того света, а Магомет их самих зовет на тот свет. Важно гостей угощали, много кораблей у них взорвали! Одни полетели на воздух за птицами, другие на

дно морское за рыбами, а люди разбежались в дремучий лес зверье ловить; и от всего турецкого флота остались сита да решета; а сам их адмирал Осман-паша сидит едва дыша: наши же его приютили да с собой захватили. Турок отщелкали, отхлопали и пошли домой к Севастополю. Кораблики потешились, начальники орденами обвешались, матросам милости-подарки, вина пенного по чарке, да еще денежное царское жалованье! Чарка нам не диво, пивали вино и пиво, а любо царское угощение, и рубль недорог, добудем их целый ворох, — нам дорого царское пожалованье».

Победа Нахимова при Синопе наделала много шума в европейских государствах. Подвиг Павла Степановича разнесся с необыкновенной быстротой во все концы вселенной, и через семь дней он достиг завистливой Англии; еще раньше слышали о нем во Франции. Выстрелы Синопа очень неприятно отзывались в сердцах французов и англичан. Им стыдно было за себя, стыдно потому, что, обещаясь защищать Турцию от нападений России, они дозволили Нахимову под носом своим уничтожить турецкий флот и несколько тысяч турецких солдат. Сначала они не верили в возможность такого погрома и отправили в Синоп несколько пароходов, чтобы убедиться собственными глазами в справедливости столь печального происшествия. Один за другим бежали англо-французские пароходы в Синоп и обратно; один за другим приносили они печальные известия, что в водах Синопа плавают только щепки от кораблей и что гладко то ме-

сто, где были укрепления, пытавшиеся остановить русскую эскадру. Известия эти все более и более раздражали англичан и французов. Чтобы заглушить стыд, они двинули свой флот в Черное море и, потребовавши, чтобы русские заперлись в своих портах и не показывались в море, объявили, что станут препятствовать русским военным судам в свободном плавании для обороны своих берегов.

Итак, Англия и Франция стали рядом с врагами христианства против России, сражающейся за православие. Сбросив с себя всякую личину, наши противники объявили теперь, что несогласие между Россией и Турцией есть дело в глазах их второстепенное, что главная цель их «обессилить Россию, отнять от нее часть областей и низвести Отечество наше с той степени могущества, на которую оно возведено Всевышней десницей».

Православной ли России было опасаться сих угроз? Готовая сокрушить дерзость врагов, «она не уклонилась от священной цели, промыслом всемогущим ей предназначенной. Нет! Россия не забыла Бога! Она ополчилась не за мирские выгоды, она сражается за веру христианскую и защиту единовверных своих братьев, терзаемых неистовыми врагами.

Да познает же все христианство, что как мыслит Царь Русский, так мыслит, так дышит с Ним вся Русская семья – верный Богу и Единородному Сыну Его, искупителю нашему Иисусу Христу, православный русский народ.

За веру и христианство подвигаемся! С нами Бог, никто

же на нас!»

Верная святому своему призванию, всегда готовая встретить врага с твердостью, завещанной нам отцами и дедами, Россия приняла вызов, и 11 апреля 1854 года была объявлена война трем державам: Франции, Англии и Турции.

– Трое так трое – все одно, – говорил русский народ, идя на защиту православия и своей родины.

Ура! на трех ударим разом,
Недаром же трехгранен штык!
Ура! отгрянет над Кавказом,
В Европу грянет тот же клик!

И двадцать шло на нас народов,
Но Русь управилась с гостями:
Их кровь замыла след походов,
Поля белелись их костями.

Тогда спасали мы родную
Страну, и честь, и царский трон;
Тогда о нашу грудь стальную
Расшибся сам Наполеон.

Теперь же – вздрогни вся природа!
Во сне не снилось никому:
Два христианские народа
На нас грозятся за чалму!!!

Не удивила эта троица русского человека.

«Бывали мы, — говорил он, — во всех землях при всех королях, видали туретчину-неметчину, мы же пировали и в Париже. Во время оно били Наполеона, а теперь приходится бить другого, его племянника родного. Сам вооружается, на беду называется, да еще с англичанином съединяется. Пришли времена тяжки, француз с англичанином на пристяжке, а турку в корень впрягли, — только их тройка не пойдет бойко. Француз летит по-птичьему, англичанин плывет по-рыбьему, а турка идет по-куриному.

А вот турецкий султан Абдул-Меджид на боку лежит, трубку покуривает, думу крепкую подумывает. Как оно-нясь в ночь ему мало спалось, много грезилось: ему слышалось, будто на матушке каменной Москве гудел колокол, ему виделось море Черное, словно кровью очервленное... Он зовет к себе хитрецов-мудрецов и велит себе сон рассказывать, правды праведной не утаивать. Ты, султан, силен, а твой сон мудрен — не добро тебе предвещает он. Как ты слышал, звон в Москве звонит, православный люд он во храм манит, там поют в храмах песни хвалебные, служат обедни с молебнами, Бога прославляют, что победы посылает».

«Нет на свете сильней, нет народу дружней Царства Русского, сильна крепка вера православная, а и дружен народ за Царя умрет». Стоит белому Царю клич кликнуть, восстанет Русь, как один человек, от старого до малого, от убогого до богатого, и скажет она врагам:

...Знайте ж, ваши все мытарства,
Расчет и вычет – все мечта!
Вам Русского не сдвинуть Царства —
Оно с Христом и за Христа!

Глава II

Положение Севастополя. – Его значение в истории русского народа. – Черноморский флот. – Высадка союзников на берега Крыма. – Сражение на реке Альме. – Первая помощь раненым. – Дарья Севастопольская

Возвратившись в Севастополь, победители-черноморцы знали, что победа при Синопе не пройдет даром, что европейские державы, союзницы Турции, постараются так или иначе нанести удар одному из прибрежных пунктов нашей обширной границы. Таким наиболее важным пунктом был, конечно, Севастополь – средоточие Черноморского флота и главный военный порт на Черном море.

С другой стороны, Франция и Англия, объявив войну России, хорошо понимали, что, плавая по морю, ничего не сделаешь, что можно сжечь два-три прибрежных города, но для России это капля в море. Поэтому они решили сначала отправить свои войска в Турцию на помощь султану, а потом предприняли высадку на берега Крыма, где они могли более всего нанести вреда уничтожением Севастополя и Черноморского флота.

Крымский полуостров, имея вид четырехугольника, вдается в Черное море тремя углами, а четвертым соединяется с землей и образует узкий проход, известный под именем Перекопа. В самом дальнем углу этого четырехугольника распо-

ложен город Севастополь, обладающий обширной и удобной гаванью, справедливо считаемой одной из лучших в мире. Имея около шести верст в длину, почти везде около версты в ширину и от пяти до десяти саженей в глубину, гавань эта была известна с древнейших времен как отличное безветренное и вполне удобное место стоянки для многочисленного флота. Еще до Рождества Христова на берегу этой бухты процветал известный в наших летописях под именем Корсуни город Херсонес, имеющий огромное значение в жизни русского народа.

Из древнего Херсонеса Таврического, находящегося и поныне в развалинах неподалеку от города Севастополя, воссиял свет веры православной на всю землю русскую. Здесь русский великий князь Владимир принял святое крещение.

Желая наказать византийских императоров за нарушение мирного договора, Владимир осадил Херсонес в 988 году. Прибыв к городу на судах, с многочисленными войсками, Владимир расположил свои суда в той самой бухте, которая впоследствии названа Севастопольской, и приступил к осаде.

Жители защищались упорно: сделав под стеной, окружавшей город, подкоп, они уносили к себе всю землю, которой русские хотели засыпать ров. Херсонесцы сдались только тогда, когда были разрушены трубы, снабжающие город пресной водой. Вступив победителем в осажденный город, Владимир принял там христианскую веру, на месте своего кре-

щения построил храм и, возвратив побежденный город византийским императорам, отправился восвояси.

Примеру своего князя последовала и вся Русь, привыкшая с тех пор считать Херсонес своей колыбелью, своей второй родиной.

Прошло с той поры 800 лет. Херсонес, попав под власть татар и турок, лежит ныне в развалинах, но дорог нам по духовной жизни народа православного.

С Херсонесом Таврическим русский человек соединял воспоминания о славном пребывании в этом городе св. апостола Андрея Первозванного. Он помнил, что в Херсонесе была колыбель христианства, за которое положили душу свою наши приснопамятные священномученики херсонесские; здесь, уже на наших глазах, легла славная рать русская, подвизавшаяся на защиту веры православной и святости Креста Христова. На этих родных нам полях возник и Севастополь, впоследствии прозванный городом многострадальным.

Как только в 1783 году Крым был присоединен к России, императрица Екатерина Великая приказала осмотреть Херсонесскую бухту и указом 10 февраля 1784 года основала здесь город, названный греческим словом «Севастополь», что по-русски означает «знаменитый город». В том же году был устроен здесь военный порт и положено основание Черноморскому флоту, начальником которого был назначен контр-адмирал Мекензи.

Когда Мекензи прибыл в Херсонесскую бухту, тогда города не существовало, а виднелись только там и сям развалины древних башен и стен, разбросанных в беспорядке. Владея Крымом, турки и татары не обращали внимания на удобства гавани и не заботились о распространении торговли. Вытеснив христианство и разрушив все христианское, магометане оставили берег моря в запустении. На месте некогда цветущего города, полного жизни, образовалась дикая необитаемая местность, покрытая лесом и кустарниками. Русские люди усиленно трудились над устройством города, над рубкой леса и очищением дорогого им места. Скоро появились здесь храмы Божии, казармы, дома, адмиралтейство и магазины.

На одной из высот, близ впадения Черной речки в бухту, основатель Севастополя построил себе хутор и назвал его Мекензиевым. Хутор этот давно исчез, но гора, на которой он был построен, и до сих пор называется Мекензиевой.

Через три года после основания императрица Екатерина II лично посетила возникший город, где был уже представлен ей флот, состоявший из трех кораблей, 12 фрегатов и 25 мелких судов. С отъездом императрицы Севастополь рос не по дням, а по часам. Удаленный от больших дорог, расположенный на окраине русского царства, на самом конце Крымского полуострова, Севастополь был передовым сторожем и сберегателем могущества России на водах Черного моря.

Для обеспечения Севастополя от покушения неприятеля с моря были устроены по обеим сторонам рейда береговые

батареи.

Приближаясь к Севастополю с сухопутной стороны, вы прежде всего встретите значительных размеров укрепление, известное под именем Северного. За Северным укреплением лежит севастопольский рейд, а правее его – беспредельное Черное море. На мысу, служащем как бы рубежом между морем и северным берегом рейда, была построена Константиновская батарея, левее и на том же берегу в глубине рейда сооружены были батареи Михайловская и № 4.

На противоположной южной стороне рейда виднеются три бухты: правая и ближайшая к морю Артиллерийская, средняя и самая большая – Южная с вдавшейся в нее Корабельной бухтой, а затем левее всех – Килен-бухта. Для защиты рейда с южной стороны были сооружены: далеко выдававшаяся в море батарея № 10, левее ее Александровская и № 8. По обоим берегам Южной бухты были расположены две сильные батареи – Николаевская и Павловская. За линией этих укреплений расстилался город, раскинутый по обеим сторонам Южной бухты. Вся часть города, расположенная на левой, или восточной, части Южной бухты, называлась Корабельной слободой, а на правой, или западной, ее стороне, на узком и длинном холме, идущем между Артиллерийской и Южной бухтами, раскинут был амфитеатром самый город с расположенной на его окраине Артиллерийской слободкой.

Большая часть севастопольских улиц были недлинные и, хотя правильно расположены, но, имея крутые подъемы

и спуски, представляли неудобство в сообщении. Только две улицы, Екатерининская и Морская, почти параллельные между собою, были ровны, широки, тянулись вдоль всего города и сходились вместе в самом конце его, у Театральной площади.

Вся южная часть города была окружена хребтами гор и отдельными возвышениями, на которых еще с 1837 года находили необходимым построить ряд укреплений, опоясывающих город со всех сторон и обеспечивающих его от нападения с сухого пути. С этой целью предполагалось построить полукругом семь бастионов, начиная от Килен-бухты и до Артиллерийской бухты.

Возле самой Килен-бухты было положено основание бастиону № 1, в 260 саженьях правее и несколько впереди первого бастиона обозначено место для бастиона № 2, еще правее, на высоком Малаховой кургане, была устроена средствами жителей города башня, получившая название Малаховой. Правее Малахова кургана близ вершины Южной бухты, на левом ее берегу, основан бастион № 3, а на правом – бастион № 4. Затем правее следовали по порядку бастионы № 5, № 6 и наконец № 7, примыкавший к береговой батарее № 8. Таким образом, четыре укрепления предназначались для защиты Корабельной слободы и четыре – для защиты города.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.